

Тоба Цзянлань узнал бы этот голос, даже если бы превратился в прах.

— Линь Юйцзэ!

Линь Юйцзэ откинула капюшон. Никто не знал, что она пришла в Дун-чан, и пока что ей не хотелось афишировать свою связь с этим местом.

— Ты, подлая тварь! Ты сфабриковала улики, чтобы подставить меня!

— Тоба Цзянлань, побереги силы, они тебе еще пригодятся.

Усевшись на скамью, Линь Юйцзэ закинула ногу на ногу, всем своим видом показывая, что намерена насладиться представлением.

Двое евнухов втащили огромную бочку, наполненную черной жидкостью с резким, удушливым запахом. Тоба Цзянлань, прослуживший в Цзиньивэй много лет, сразу почуял неладное. Набравшись храбрости, он прохрипел:

— Если ты тронешь меня, тебе будет непросто объясниться перед Его Величеством.

— Об этом не беспокойся.

Оба евнуха были не из слабых. С грохотом поставив бочку на пол, они принялись развязывать путы на теле Тоба Цзянланя. Поняв, что Линь Юйцзэ готова на все ради мести, он невольно попятился.

Линь Юйцзэ, насвистывая мелодию, наблюдала, как выражение лица Тоба Цзянланя сменяется с ярости на тревогу, а после того, как его окунули в бочку и вытащили обратно, — на животный ужас. В глубине души у нее разливалось странное, щекочущее чувство: словно весь мир теперь был у нее в руках. Стоило ей пожелать — и он взлетит, стоило приказать — и он пойдет ко дну.

Власть — поистине лучший афродизиак.

— Когда я только вышла из Чжаоюй, мне пришлось выпить немало лекарств, — произнесла Линь Юйцзэ. — Ну как, каково на вкус?

Тоба Цзянлань, тяжело дыша, прохрипел:

— Линь Юйцзэ, чего ты добиваешься? Если хочешь, чтобы я признал вину, так давай сюда

бумаги!

Признание вины означало лишь отставку, но если остаться здесь дольше, то вряд ли удастся сохранить жизнь.

Линь Юйцзэ ответила с небрежной легкостью:

— Признание? В нем нет нужды. Все и так сошлись на том, что это твоих рук дело.

Тоба Цзянлань взвыл:

— Так чего же ты хочешь?!

— Я? Я просто хочу тебя мучить.

Разъяренный до предела Тоба Цзянлань выкрикнул:

— Линь Юйцзэ, ты, низкая прислужница! Ты ведь просто пробралась в постель Его Величества, думаешь, никто не знает? Долго ли ты продержишься в фаворе? Его Величество лишь считается с твоим отцом!

Линь Юйцзэ поковыряла в ухе. Постойте-ка, с Его Величеством она действительно была близка, но почему эти слова звучат так оскорбительно?

Она резко вскочила:

— Принесите стопку рисовой бумаги.

Тоба Цзянлань решил, что его слова возымели действие и она намерена закончить дело признанием, но тут услышал ледяной голос Линь Юйцзэ:

— Прижмите его к полу.

Скамью из-под Тоба Цзянлани выбили, его повалили на землю, намертво прижав голову. На лицо легла тонкая рисовая бумага. Только он собрался сдуть ее, как Линь Юйцзэ плеснула на бумагу водой из своей чашки. Намокший лист моментально прилип к коже, перекрывая доступ к носу и рту.

Грудь Тоба Цзянлани начала судорожно вздыматься. Он отчаянно пытался вдохнуть и выдохнуть, пока наконец не прорвал бумагу.

— А у брата Цзянлани неплохой объем легких, — заметила Линь Юйцзэ. — В этот раз наклеим два слоя.

Два листа бумаги прилипли к лицу. Евнух зачерпнул из бочки лекарственный раствор и плеснул сверху. В этот раз прорвать бумагу удалось гораздо позже.

Линь Юйцзэ добавляла лист за листом. Бумагу прорывать становилось все труднее, пока Тоба Цзянлань не начал биться в конвульсиях, суча ногами. Лишь тогда она на мгновение остановилась.

— Линь Юйцзэ, госпожа Линь, я молю о пощаде! Я сдаюсь! Прошу, отпусти меня, я сделаю все, что скажешь! — выдохнул Тоба Цзянлань.

— Бесполезно, — холодно ответила Линь Юйцзэ. — Живым отсюда ты не выйдешь.

Она передала бумагу евнуху:

— Используйте всю стопку.

— Умоляю, пощади! Отпусти меня...

Рисовая бумага снова перекрыла ему дыхание. Когда Тоба Цзянлань от пыток потерял контроль над естественными отправлениями, она потеряла к нему всякий интерес.

Надев капюшон, Линь Юйцзэ покинула душную темницу. Ночной Бяньцзин был шумным, не уступая дневному. Идя по знакомым улицам, она чувствовала, как сильно отличается от окружающих.

В поместье Линь из спальни старейшины доносился кашель. Выпив лекарство, старейшина Линь поднял голову и, нахмурившись, спросил:

— Ты хочешь построить отдельный дом?

— Да.

— Чего ты опасаться?

— Боюсь, что в будущем это навлечет беду на отца и брата.

Старейшина Линь покачал головой:

— В глазах посторонних все члены семьи Линь давно связаны. Пока я стою на ногах, вам ничего не грозит. Но если рухнет дом Линь, кто из вас сможет спастись?

— Отец и брат — ученые из Академии Ханьлинь, для них превыше всего чистая репутация. Возможно, карьера не пострадает, но доброе имя будет запятнано.

Старейшина Линь прищурился:

— Репутация? Чего ты на самом деле хочешь?

Линь Юйцзэ склонила голову, не ответив.

В конце концов, настояв на своем, она переехала. На улице недалеко от Дун-чан она купила небольшой дом с тремя внутренними дворами и повесила на воротах табличку Поместье Линь.

По случаю новоселья она устроила пир, пригласив сторонников старейшины и коллег, с которыми у нее были нейтральные отношения. Поскольку Линь Юйцзэ давала пир, Линь Юйчи и Пятая принцесса, конечно же, пришли, приведя с собой некоторых членов императорской семьи. Хотя Линь Юйцзэ была в ссоре с Тоба Цзянланем, она была близка к Императрице, поэтому среди знати нашлись те, кто хотел примелькаться у нее на глазах.

Больше всего ее удивило появление маленького мальчика, пришедшего вместе с родственниками императора — это был Тоба Цзянчан, младший брат Императрицы по отцу, последний ребенок покойного императора, Шестой принц.

Поскольку Императрица уже взошла на престол, Шестой принц был рано титулован князем Хун. Однако из-за юного возраста он все еще жил во внутренних покоях с вдовствующей наложницей.

Все были вынуждены кланяться этому мелкому сорванцу. Семи-восьмилетний ребенок уже научился важничать, задирая нос и позволяя всем подняться.

Музыканты играли мелодии, у каждого в саду был свой столик. Сегодняшний пир не был официальным приемом, гости свободно перемещались, обмениваясь тостами. Силы разных сторон перемешались в маленьком дворике, но Линь Юйцзэ было все равно — она как раз присматривалась, нет ли здесь кого-то, кого стоит привлечь на свою сторону.

— Госпожа Линь, позвольте поднять за вас бокал, — подошел Му Ян, помощник министра чинов.

Му Ян был ветераном среди сторонников старейшины Линь. Многие дела в министерстве, до которых у старейшины не доходили руки, выполнял он.

Он был почти на десять лет старше Линь Юйцзэ, и хотя сейчас они занимали равные должности, она не смела важничать. Поспешно встав, она подняла бокал, намеренно держа его чуть ниже, чем у Му Яна, в знак уважения.

Сидевшие рядом чиновники тоже подошли, поднимая бокалы. Пока Линь Юйцзэ пила, она невозмутимо оглядела присутствующих: Му Ян, Гэн Жуй из министерства ритуалов, Юэ Хунвэй из цензората, Би Тао из Далисы...

Когда они закончили пить, Линь Юйцзэ услышала, как Юэ Хунвэй вздохнул:

— Госпожа Линь молода и талантлива, будущее за вами, молодыми.

Линь Юйцзэ с идеальной улыбкой ответила:

— Я лишь делаю первые шаги, как я могу хвастаться перед почтенными старшими? В будущем мне еще потребуется ваша поддержка.

После обмена любезностями они выпили еще по несколько чарок.

Почувствовав, что немного захмелела, Линь Юйцзэ решила сходить во внутренний двор, чтобы освежиться. Пир близился к концу, и не было нужды применять внутреннюю энергию, чтобы выгнать вино. Возвращаясь, она слегка пошатывалась. Навстречу ей шел мужчина. Увидев ее лицо, он воскликнул:

— Это вы?!

Линь Юйцзэ прищурилась, пытаясь вспомнить, кто это такой, но затуманенный мозг отказывался работать.

— Вы кто?

Молодой человек поспешно поклонился и сложил руки:

— Я новоиспеченный цзиньши этого года, У Шоукунь. Пришел на пир со своим наставником. Прошу прощения, я ошибся человеком, не хотел беспокоить госпожу Линь.

Линь Юйцзэ махнула рукой, показывая, что ничего страшного, и пошла дальше.

Юноша долго стоял на месте, глядя ей вслед. Линь Юйцзэ не вспомнила его, а он ее — помнил прекрасно. Та самая девушка, которая у гадалщика на улице шесть раз подряд выбросила Ян, оказалась дочерью старейшины Линь!

— ...Гексаграмма Верхней девятки: Дракон, достигший предела, будет сожалеть. Шесть линий Ян — это крайний Ян, а на пике Ян рождается Инь, за расцветом следует упадок...

Слова старого даоса до сих пор стояли у него в ушах. Его собственное предсказание сбылось после того, как он сдал экзамен, а госпожа Линь с такой гексаграммой сейчас на пике карьеры... Что же будет дальше?

У Шоукунь потряс тяжелой головой. Такие дела — не для него, мелкой сошки.

Пир завершился успешно. У Линь Юйцзэ была одна цель: переехав в собственный дом, она до некоторой степени отделилась от старейшины Линь. Теперь ее поступки не обязательно должны были представлять интересы отца.

С момента переезда ей начали приходить приглашения на личные встречи. Некоторые из них были от людей старейшины, но в его лагере было слишком много людей, и не каждый мог рассчитывать на продвижение.

Поэтому они пытались пробиться к Линь Юйцзэ, надеясь обеспечить себе будущее.

Особенно после того, как она добилась импичмента Тоба Цзянланя, все увидели: вторая дочь семьи Линь — не какая-то изнеженная девица из глубокого терема, а жесткий игрок при дворе, пользующийся доверием императрицы. Такая личность определенно заслуживала того, чтобы ей следовать.

В особенности ее манера действовать без оглядки на «ученую этику» — грубо говоря, не гнушаясь никакими средствами — неожиданно пришлась по вкусу многим. Как говорится, рыбак рыбака видит издалека. Вокруг Линь Юйцзэ незаметно сплотился круг «нестандартных» чиновников.

Спустя два месяца после того, как Тоба Цзянлань оказался в Дун-чан, когда Императрица почти забыла о нем, пришло известие, что он покончил с собой в тюрьме. В руки Императрицы попало написанное кровью признание, почерк действительно принадлежал ему.

Другие судачили, не было ли это убийство или тюремщики симитировали самоубийство. Императрица послала коронера, который подтвердил: это самоубийство, на теле нет ни единого следа пыток.

Все удивлялись, почему Тоба Цзянлань так легко сдался, не зная, что он сам умолял о возможности покончить с собой.

В это время Линь Юйцзэ уже находилась в Чанпине, восстанавливая разрушенные дворцы на конфискованные средства. В руках у нее были донесения из Дун-чан: письма Тоба Цзянланя с мольбами о справедливости, написанные в самом начале, и записи о делах императорских

купцов, составленные им после того, как он сломался под пытками.

Чтобы расширить влияние Дун-чан, не вызывая подозрений у двора, Линь Юйцзэ придумала план: заставить всех поверить, что Цзиньивэй и Дун-чан — заклятые враги.

Цзиньивэй имели представительства по всей стране: в местных судах, в гарнизонах, в торговых гильдиях. Теперь, когда выяснилось, что у них «нечистые руки», потребовался надзор. Евнухи Дун-чан воспользовались случаем и вклинились в систему, начав открытую борьбу с Цзиньивэй под предлогом контроля.

После того как Линь Юйцзэ, как и планировала, заняла пост главнокомандующего Цзиньивэй, борьба между ведомствами разгорелась с новой силой.

<http://bllate.org/book/19929/1961110>